УДК 069(57) + 94 (57)

ББК 79.1 (253) + 63.3 (253)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-36-176-182

Е. Б. Макарчева

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ: ПРОБЛЕМЫ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКИМИ МУЗЕЯМИ 400-ЛЕТНЕЙ
ИСТОРИИ НОВОКУЗНЕЦКА

Анализируется экспозиционная деятельность двух музеев г. Новокузнецка – краеведческого и музея-заповедника «Кузнецкая крепость» – с точки зрения их участия в конструировании социально-ориентированной картины прошлого и формирования коллективной памяти.

Ключевые слова: исторический юбилей, музей, экспозиция, репрезентация, социальная история, политика памяти.

Е. В. Makarcheva

REFLECTIONS ON THE ANNIVERSARY: PROBLEMS
OF THE REPRESENTATION OF THE 400-YEAR HISTORY
OF NOVOKUZNETSK BY THE CITY MUSEUMS

The article analyzes the expositional activity of two museums in the city of Novokuznetsk, the local lore museum and the Kuznetskaya Krepost museum-preserve, from the point of view of their participation in the construction of a socially-oriented picture of the past and the formation of collective memory. The possibilities of the municipal museum in the implementation of modern conceptual approaches and the use of new museum technologies for the representation of history are considered.

Keywords: historical anniversary, museum, exposition, representation, social history, politics of memory.

Исторический юбилей – в данном случае 400-летний юбилей основания Новокузнецка (Кузнецка) уместно рассматривать как форму мобилизации исторической памяти. Во временном отрезке, предшествующем юбилею, процесс «вспоминания», «напоминания» прошлого протекает с очевидно большей интенсивностью. Стало популярным приемом даже отмечать во времени точку запуска этого процесса – момент начала «обратного отсчета». Вместе с тем юбилей как мероприятие официальное тесным образом связан с официальной политикой памяти.

Рассмотрение проблем репрезентации прошлого в связи с ситуацией юбилея неизбежно обращает нас к более широкому контексту – трансформации функций исторического знания в современном социуме. Для целого ряда современных методологических исследований характерно противопоставление или, по крайней мере, разведение двух форм исторического знания – научно ориентированного, опирающегося на традиции позитивистской науки XIX в., и социально ориентированного,

характерного для познавательной ситуации современного так называемого манипуляционного общества. Социальная, или публичная, история, в свою очередь, в значительно большей степени, чем собственно историческая наука, связана с формированием исторической памяти как коллективного феномена [Малинова 2017; Маловичко 2010; Мастеница 2015; Румянцева 2011].

Обсуждение места музея в контексте юбилея напрямую связано с причастностью его к социально ориентированной истории и с тем, что, являясь в 99 % случаев учреждением муниципальным или государственным, музей самым непосредственным образом связан с реализацией официальной политики памяти. Юбилейная ситуация наилучшим образом иллюстрирует мысль М. Ф. Румянцевой о том, что «в последнее время мы наблюдаем, все в большей и большей мере, конструирование властью и социумом социально ориентированной истории, которую музей призван музеефицировать, что можно сделать традиционно двумя путями: либо в очередной раз следуя “генеральной линии партии”, либо стремясь выработать собственную позицию и даже вмешаться в процесс конструирования социально ориентированной истории» [2011: 20].

В советское время озабоченность идеологической составляющей картины прошлого формировала политический заказ, в т. ч. по отношению к таким каналам репрезентации прошлого, как музеи. Отмирание политического заказа по отношению к содержанию исторической памяти и музею как месту памяти – безусловное достижение плюралистического общества. Вместе с тем, если мы говорим о социально-ориентированной истории как форме конструирования прошлого, предполагается наличие определенного запроса со стороны власти и общества на то, какую историю и как «вспоминать».

Это однозначно констатируемое изменение отношения общества к историческому прошлому предъявляет и к музейной репрезентации иные требования. Музей «не может уже ориентироваться на “базовое” знание истории и заниматься иллюстрированием исторического знания, позиционированного в сознании зрителя через, в первую очередь, систему школьного образования. Музей вынужден, чтобы быть понятным/воспринятым, заниматься самостоятельной/независимой от других форм исторического познания – точнее, рядоположенной им, – репрезентацией исторического знания» [Там же].

В идеальной ситуации успешность в решении этой задачи, в реализации новых подходов к экспозиционной деятельности должна целиком зависеть от степени компетентности и профессионализма коллектива музея. В действительности же одним из определяющих является тот факт, что исторический или краеведческий музей в провинциальном городе в абсолютном большинстве случаев находится на содержании муниципального бюджета. А, следовательно, зависимость от властных структур всего лишь переместилась в сферу финансовой политики. Последняя, в свою очередь, определяется не только объективно скудными возможностями местного бюджета, но и субъективной степенью осознания на местном уровне социальной значимости исторической памяти, причем и со стороны властных структур, и со стороны активных групп местного сообщества.

Влияние этих факторов в реальной экспозиционной деятельности, очевидно, можно проследить на примере новокузнецких музеев. Тем более что большой городской юбилей как будто бы стал дополнительным ресурсом, позволившим выйти за рамки местного бюджета и использовать возможности федерального финансирования. Можно предположить, что таким образом расширились границы самостоятельности в реализации коллективами музеев собственных творческих идей и концептуальных подходов.

Новокузнецкий государственный краеведческий музей (далее – НГКМ) – самый первый музей Кузбасса – отметил в 2017 г. свой 90-летний юбилей. Структура экспозиции музея в значительной мере задается двумя факторами: краеведческий музей должен отражать историю региона в сочетании с геологическим описанием, флорой и фауной. Отсюда хронологический ряд – природа, появление и становление человека, человеческое общество и его развитие, локализованное в пределах юга Кузбасса. Таким образом в экспозиции воспроизводится линейная концепция времени, своего рода лента времени от мира природы через появление в ней человеческого вида и до наших дней. Второе обстоятельство, задающее линейное структурирование исторического времени – собственно само пространство музея, занимающего весь первый этаж жилого дома (находится здесь с 1955 г.), существенно ограниченное в ширину и вытянутое по длине в форме буквы «Г». В современной экспозиции, открывшейся в 2014 г. после радикальной реновации музея (в течение 3 лет музей был закрыт на реконструкцию и понадобился повод в виде празднования Дня шахтера, чтобы привлечь финансирование к завершению работы) [Официальный сайт Управления культуры...], это анфиладное разворачивание музейных залов по сути концептуализировано. Целостность в восприятии прошлого региона вполне традиционно задается посредством хронологического структурирования материала. В связи с юбилейными торжествами существенного обновления экспозиции не произошло, в нее были включены новые элементы, не столько корректирующие концепцию, сколько вводящие новые технические средства визуализации.

Сохраняя традиционный взгляд на историю как линейно организованный процесс, музей все же отдает дань современному «антропологическому тренду». В одном из разделов экспозиции нашла свое отражение история повседневности через воссоздание «советской квартиры» 1960–1970-х гг. Причем для авторов идеи важно, что музейная квартира «меблирована» усилиями самих горожан – мебелью, предметами быта, которые пожелали отправить в музей их недавние владельцы или потомки владельцев. Музеефикация обыденных предметов недавнего прошлого, во-первых, позволяет визуализировать и концептуализировать относительность границы, отделяющей прошлое от настоящего. Во-вторых, важно подчеркнуть участие ныне живущих горожан в самом процессе конструирования образа прошлого. Таким образом, музей, по сути, отвечает на определенную общественную потребность в «приватизации» истории. Если в прочих разделах постоянной экспозиции история города и региона представлена как часть истории «большой страны» и даже человечества в целом, то в этом зале история Новокузнецка репрезентирована как история новокузнецчан. Посетители как бы видят «вчерашний день» самих себя.

Очевидным основанием всей постоянной экспозиции является отсутствие какого бы то ни было политического заказа, стремление к деидеологизации. Вместе с тем исходной предпосылкой этого стремления, видимо, остается позитивистская парадигма, влияние которой, помимо отмеченного выше линейно-хронологического выстраивания исторического процесса, прослеживается в визуализации «школьного» прочтения истории как объективной картины прошлого.

Вышесказанное позволяет реконструировать тот социальный заказ, который, предположительно, сформулировал самому себе музей в новой постоянной экспозиции. Это репрезентация максимально приемлемой для разных групп местного социума картины своей истории как результата некоего консенсуса. К достижению консенсуса также ведет баланс между трагическим и жизнеутверждающим аспектами прошлого, поэтому трагические страницы должны занять свое место в общей картине. Предметы лагерного быта (а Кузбасс известен как место наибольшей концентрации лагерей системы ГУЛАГа на единицу площади) тоже осмыслены как

музейные экспонаты и включены в общую экспозицию. Вместе с тем не должно быть чрезмерной драматизации – общая динамика развития репрезентируется как позитивная, поступательная. Вопрос лишь в том, насколько осознанно подошел коллектив музея к самому этому акту конструирования прошлого через музейную экспозицию.

При этом, несмотря на тот факт, что краеведческий музей является муниципальным учреждением культуры, никакого явно артикулированного заказа на определенное содержание истории местные власти ему уже давно не предъявляют. Федеральное финансирование программы юбилея позволило выделить на обновление экспозиции около 50 млн руб., которыми музей мог распоряжаться вполне самостоятельно. По-видимому, коллективу музея его функция видится в том, чтобы быть официальным местом памяти и в этом качестве формировать публичную (социальную) историю на бесконфликтной основе, такую, которая устроила бы всех, по поводу которой был бы возможен общественный консенсус.

Обратной стороной такого самоопределения является отсутствие острого общественного интереса к деятельности музея – его экспозиции не становятся поводом для дискуссий, не задевают эмоциональной стороны коллективной памяти. Повышение интереса к экспозиционной деятельности музея на протяжении 2018 г., очевидно, обусловлено предъюбилейной ситуацией. Хотя основным контингентом оставались школьники, преобладающей формой – коллективные организованные экскурсии, количество индивидуальных посещений возросло, но теперь снова сократилось. Устойчивый неситуативный рост интереса к музею мог бы быть спровоцирован либо какими-то новыми формами и технологиями репрезентации прошлого, либо его дискуссионным прочтением, вызвавшим негативный или позитивный эмоциональный отклик. Технологические новшества действительно появились, и в прямой связи с юбилеем – благодаря федеральному финансированию. Музей смог обзавестись новой проекционной техникой «SmartGlass/film» (гаснет свет и стекло витрины с экспонатами превращается в проекционный экран) и новой технологией экспозиции «Голографический театр». Технология позволила как бы оживить изображение В. Маяковского во временной экспозиции «Я знаю, саду цвествь», посвященной архитекторам, строившим Новокузнецк, и писателям, отразившим его в своем творчестве.

Муниципальное автономное учреждение культуры «Музей-заповедник Кузнецкая крепость». Основой музея, официально учрежденного в 1991 г., стал объект культурного наследия федерального значения (Постановление Совета Министров РСФСР № 1237 от 30.08.1960) [официальный сайт музея...], расположенный на Вознесенской горе на правом берегу р. Томи. Превращение развалин крепости начала XIX в. в место памяти произошло буквально на наших глазах за последние 20 лет. Это заслуга и группы энтузиастов, создавших музей практически на пустом месте, и тогдашнего главы города С. Д. Мартина. Место на доминирующей над городом высоте правого берега реки само по себе обладает большим потенциалом. Однако история становления музея оказалась долгой и непростой. Несколько первых лет он не имел постоянного помещения и ютился в аварийных условиях. Лишь в 1999 г. была оформлена первая экспозиция. А проведенное на территории крепости компенсационное строительство, в процессе которого были возведены на сохранившихся фундаментах два здания и реконструированы полубастионы с въездными воротами, уже с 2000-х гг. сделало этот объект центром зрелищных городских мероприятий и просто любимым местом отдыха горожан.

Примерно тогда же определилась и концепция музея как музея военной истории региона. Вместе с тем современное положение музея-заповедника, а в особенности

– перспективы его дальнейшего развития, несмотря на его статус памятника федерального значения, не внушают оптимизма. Экспозиция музея, сформировавшаяся за 20 лет, со времени первой выставки собиралась и продолжает собираться, что называется, «своими силами» и в значительной степени случайным образом. Основной фонда стала коллекция книг и археологических объектов из коллекции прокопьевского краеведа Елькина [Официальный сайт музея...]. В дальнейшем каналами пополнения фондов были материалы археологических раскопок сотрудников музея, экспедиции по деревням и сформировавшаяся за последние годы практика передачи музею личных вещей от горожан. Последний факт свидетельствует и о признании частью городского сообщества социальной значимости самого процесса сохранения исторической памяти, и о признании музея как института, ответственного за этот процесс.

Содержательные рамки экспозиции, насколько можно судить по высказываниям сотрудников, также определились не сразу. На настоящий момент музей мыслится как музей военной истории региона. При этом сами возможности музейных помещений определяют внутреннее деление экспозиции на «дорусскую» и «русскую» историю региона, рубежом для которых является XVII в. Тот факт, что эти разделы размещены в двух разных помещениях, не является отражением некой «концептуальности», а стал следствием определенных обстоятельств. Однако он задает определенное восприятие исторического процесса: формирует ощущение его дискретности, «разрыва», вследствие которого включение региона в русское подданство как бы стало точкой отсчета для другой истории.

Этим пространственным решением, собственно, и исчерпывается системный уровень разработки экспозиции. Музей существует в режиме борьбы за выживание, а на этом уровне обсуждать концептуальные подходы к способам репрезентации прошлого – не более, чем «бессмысленные мечтания». Как мы уже отмечали выше, формирование музейной экспозиции с использованием современных музейных технологий и с учетом современного запроса на конструирование социально ориентированной истории – процесс, требующий не только профессионального подхода и организационных усилий, но значительных материальных затрат. А раз так, то муниципальный музей остается зависимым от степени интереса к нему со стороны местных властей, а следовательно – от уровня их общей гуманитарной культуры.

Что же касается «Кузнецкой крепости», то после смены главы городской администрации, отношение к ней властных структур, насколько можно судить по высказываниям сотрудников, радикально изменилось. Нынешняя городская администрация воспринимает музей как некий «объект престижа», площадку для имиджевых мероприятий и вовсе не заинтересована в его функционировании как профессиональной команды сотрудников, работающих на формирование публичной истории. По словам одного из сотрудников, городские власти воспринимают их в качестве аниматоров, а территорию музея – в качестве места для проведения праздников и реализации социальных инициатив. Одним из примеров подобного мероприятия, имеющим прямое отношение к юбилею, стал II военно-исторический фестиваль «Кузнецкий фронтир». Фестиваль включал в себя исторические реконструкции сражений, показательные выступления военно-исторических клубов и клубов исторической реконструкции из городов Сибири. Однако к организации этого мероприятия, одного из самых зрелищных и популярных в течение всех юбилейных торжеств, собственно городские власти никак не причастны. Музей лишь предоставил для его участников свою площадку.

Музей существует только на те средства, которые зарабатывает сам, а его сотрудники вместо реализации на профессиональном уровне своих научных и вы-

ставочных проектов вынуждены заниматься чем-то вроде творческой самостоятельности. За исключением артиллерийского оружия и антропологических реконструкций, выполненных на заказ, они могут выставить практически лишь то, что в прямом смысле «накопали сами» или даже создали своими руками – как, к примеру, собственную реконструкцию ткацкого станка или традиционной шорской лодки. Издательская деятельность музея, которая должна быть результатом его научной работы, финансируется за счет эпизодических поступлений от частных благотворителей, организаций и собственных средств. Что же до юбилейного федерального финансирования, то его хватило на реконструкцию полубастионов крепости и на реализацию издательского проекта – выпуска двухтомного сборника «Кузнецкая старина» с историческими картами. Полиграфическое и содержательное качество издания несомненно, особенно его презентационные достоинства. Но в силу его «недемократичной» цены вряд ли оно может рассматриваться как средство публичной репрезентации истории.

В этой связи следует отметить, что музей рассматривает себя не в меньшей степени как институт научно ориентированной истории и ограниченность возможностей для экспозиционной деятельности компенсирует за счет научно-исторического нарратива. Для размещения своих научных публикаций сотрудниками широко используются возможности официального музейного сайта.

Итак, исчезновение идеологического заказа со стороны власти как будто бы предоставило музею свободу в определении того, какое прошлое и как он предъявит местному сообществу. Можно было бы надеяться на то, что музей станет самостоятельным участником процессов формирования коллективной памяти. Но отсутствие заказа со стороны власти на какие бы то ни было формы репрезентации прошлого одновременно означает и отсутствие интереса к ним. Не рискуя говорить обо всех региональных властях, относительно Кузбасса можно с большой долей уверенности констатировать отсутствие понимания значимости исторической памяти как ресурса. Теоретически можно предположить и обратное: как раз отчетливое понимание важности определенных способов репрезентации «публичной истории» в качестве фактора мобилизации групповой солидарности побуждает власть предержащих к нейтрализации любых усилий по конструированию внятной и целостной картины прошлого, адресованной местному социуму.

Но более вероятно другое: у руководства города, да и области, по-видимому, отсутствует сколько-нибудь осмысленная политика памяти, не говоря уже о понимании того, какое место в практиках коммеморации должен занимать музей. Следовательно, управление культуры, в ведении которого находится музей как муниципальное учреждение, заинтересовано в том, чтобы руководство музея не нарушало административного спокойствия творческими проектами и инициативами, не обременяло бюджет материальными проблемами, но всегда было готово предоставить музейную площадку под «социально значимые» мероприятия.

Что касается спонсоров, то в силу исторической сложившейся специфики региона традиции благотворительности в сфере культуры не получили заметного развития. Крупные компании, ведущие промышленную деятельность в регионе, еще готовы как-то финансировать социальные проекты скорее ради создания имиджа социально ориентированного бизнеса. При этом значимость продвижения определенных социально ориентированных образов прошлого для консолидации и развития городского сообщества остается вне сферы осмысления.

Все вышесказанное определяет отношение не только к музею, но и к историческому юбилею. С одной стороны, удревание истории городов – один из современных трендов. Юбилей оценивается как имиджевый ресурс: наличие многовеко-

вой истории у муниципального поселения повышает статус его руководителей. Но власть готова лишь удовлетворить потребность общества в зрелище, тем самым надеясь упрочить свое положение. Юбилейные торжества имеют значение как массовые празднества, но не как средство репрезентации социально значимой публичной истории и мобилизации коллективной памяти.

Источники и литература

Евтушенко А. Г. Юбилей как социокультурный феномен: дис. ... канд. культурол. / А. Г. Евтушенко. – М., 2012. – 169 с.

Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа / О. Ю. Малинова // *Полития*. – 2017. – № 4(87). – С. 6–22.

Маловичко С. И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное / С. И. Маловичко // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: мат-лы XXII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 января 2010 г.)*. – М., 2010. – С. 21–28.

Мастеница Е. Н. История в музее: методология познания и репрезентации / Е. Н. Мастеница // *Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст.; авт.-сост. Е. А. Воронцова; отв. ред. Л. И. Бородин, А. Д. Яновский*. – М.: Этерна, 2015. – С. 102–117.

Официальный сайт музея-заповедника «Кузнецкая крепость» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kuzn-krepost.ru/> (дата обращения: 18.05.2019).

Официальный сайт Управления культуры г. Новокузнецка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kultura-nk.ru/mesta/muzei/municipalnoe-avtonomnoe-uchrezhdenie-kultury-novokuzneckij-kraevedcheskij-muzej-mauk-nkm> (дата обращения: 18.05.2019).

Румянцева М. Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации/позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну / М. Ф. Румянцева // *Роль музеев в формировании исторического сознания: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 25–28 апреля 2011 г.)*. – М.: Nota bene, 2011. – С. 16–27.

References

Oficial'nyj sajt muzeya-zapovednika «Kuzneckaya krepost'» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kuzn-krepost.ru/> (data obrashcheniya: 18.05.2019).

Oficial'nyj sajt Upravleniya kul'tury g. Novokuznecka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.kultura-nk.ru/mesta/muzei/municipalnoe-avtonomnoe-uchrezhdenie-kultury-novokuzneckij-kraevedcheskij-muzej-mauk-nkm> (data obrashcheniya: 18.05.2019).

Evtushenko A. G. Yubilej kak sociokul'turnyj fenomen: dis. ... kand. kul'turol. / A. G. Evtushenko. – M., 2012. – 169 s.

Malinova O. Yu. Kommemoraciya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza / O. Yu. Malinova // *Politiya*. – 2017. – № 4(87). – S. 6–22.

Malovichko S. I. Istoriopisanie: nauchno orientirovannoe vs social'no orientirovannoe / S. I. Malovichko // *Istoriografiya istochnikovedeniya i vspomogatel'nyh istoricheskikh disciplin: matly XXII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, 28–30 yanvarya 2010 g.)*. – M., 2010. – S. 21–28.

Mastenica E. N. Istoriya v muzee: metodologiya poznaniya i reprezentacii / E. N. Mastenica // *Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sb. st.; avt.-sost. E. A. Voroncova; отв. red. L. I. Borodkin, A. D. Yanovskij*. – M.: Eterna, 2015. – S. 102–117.

Rumyanceva M. F. Muzejnaya ekspoziciya kak forma reprezentacii/pozicionirovaniya aktual'nogo istoricheskogo znaniya: ot postmoderna k postpostmodernu / M. F. Rumyanceva // *Rol' muzeev v formirovanii istoricheskogo soznaniya: matly mezhhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ryazan', 25–28 aprelya 2011 g.)*. – M.: Nota bene, 2011. – S. 16–27.